

...И в белом жабо
Веч. Москва. - 1999 - 25 июля. - С. 8

ВЫШЕЛ ИЗ ЛЕСУ ХУДОЖНИК

Ах, какое трогательное письмо получил я от читателя.

«Я уже вышел на пенсию, но до сих пор люблю юмор. А в Москве, если кто и шутит, то только Хазанов по телевизору. И вам я завидую. Вы, конечно, бываете среди артистов, художников, писателей. А они ведь наверняка остроумные. Все-таки творческий человек не нам чета. Ну расскажите хоть немного».

А я что, я, пожалуйста...

С НАЧАЛА не об артистах. Поскольку мощнее всего на моей памяти острили два парня в мастерской вулканизации. Это в таксопарке под Краснохолмским мостом. Я ждал, пока они мне камеру заклеют, а они тем временем рассказывали друг другу анекдоты. Дело не в том, что их анекдоты состояли из сплошной матерщины. В этом я как раз не являюсь, извините, нефицитом. Но я сидел как слабоумный.

Эти вулканизаторы, ну, просто загибались от хохота. А я, вежливо улыбаясь, пытался вникнуть в суть чего одного из их анекдотов. Я очень мучительно старался вникнуть. Они заметили это и снисходительно улыбнулись: «У тебя что, чувства юмора нету?». Видимо, у них был юмор уже XXII века.

В среде творческой интеллигенции дело обстоит, действительно, гораздо доступнее.

Правда, я не стал бы вам рекомендовать вдумываться в юмор художников-пейзажистов. Они творят все больше в лесных чащобах, в нехоженных полях. Безлюдно там, юмор самому приходится придумывать. Да и слушателей нет.

Но примерно раз в три года они выходят из лесу и, минуя парикмахерскую, заявляются на какой-нибудь вернисаж, что на Кузнецком мосту. Где и делятся своими шутками. А потом обратно в лес уходят. На три года.

Писателям, конечно, проще. Сидят в ресторане, не тайга все-таки. И шутят. У писателей есть несколько издавших виды анекдотов, которые они рассказывают друг другу по очереди. И до слез хохочут. А если вы при этом восхищенно спросите: «Сам придумал?», то благодарней человека уже никогда не встретите.

Впечатляюще рассказывают анекдоты баритональные басы. Смачно рассказывают, серьезно. Наиболее маститые при этом задумчиво опираются рукой на спинку стула, словно на концертный рояль. И по ходу анекдота откашливаются, дабы голос шел широко и просторно. Правда, конец анекдота обычно тонет в их собственном густом хохоте. Так что есть трудности.

Незаменимы в деле дальнейшего расцвета юмора киноартисты-комики. У них же огромный запас общения чуть ли не с Эльдаром Рязановым. Они привыкли с помощью режиссера доходить во всем до самой сути. Внимательно выслушав анекдот до конца, они нетерпеливо спрашивают: «Ну а дальше что?».

Скорее всего, самые блестящие анекдоты у архитекторов. Но, тут трудно. Архитектор тебе рассказыва-

ет анекдот, а ты при этом нервно терзаешь «Справочник архитектора», чтобы понять хоть некоторые термины. Наконец, он всплескивает нервными руками, держит многозначительную паузу и выходит на финал: «А он улыбается и говорит ей: «Эллипсоидно!». После чего, чтобы тебе, бестолковому, как-то помочь, он начинает рисовать этот анекдот фломастером на пачке папирос.

Когда ты в следующий раз подсаживаешься за столик к его друзьям, архитектор сердито ворчит: «Опять этот идиот пришел!».

Если у вас залежался какой-нибудь давний анекдот и вы хотите иметь успех, пригласите в ресторан артистку цирка в черном вечернем платье с блестками и большим пунцовым цветком на предплечье. Хорошо бы воздушную гимнастку, но еще лучше — укротительницу собак. И под волнующее высокую грудь шампанское отвалите ей этот лежалый анекдот. Нет, для вас не просто будут хохотать, вас будут обождать. После этого, если хотите, можете ей признаться, что вы засекреченный физик-теоретик.

А на рассвете, если она никуда не торопится, смело можете еще раз рассказать ей этот же анекдот. Он ей покажется свежим, как весеннее утро.

Лучше всего рассказывают анекдоты, я слышал, старые драматические актрисы. Но слышал не в смысле «сам слышал». Поскольку эти анекдоты рассказывать в присутствии мужчин и детей неприлично.

Лично я предпочитаю шутки музыкантов. Они за день так ухаживают с серьезной музыкой, что без юмора и загнуться недолго. К тому же, у них музыкальный слух, а в хорошем юморе без этого невозможно. Нюансы, знаете ли!

Вам нужны доказательства? Пожалуйста!

Однажды Брамс, сопровождая посредственному виолончелисту, играл фортиссимо и заглушал своего партнера. Несчастный виолончелист в конце концов не выдержал и взмолился:

— Прошу вас, немного тише: я совершенно не слышу себя...

— Счастливце! — процедил Брамс сквозь зубы.

После такого блистательного шедевра можно решиться только на шутку типа «Вернулся муж домой из командировки...». И только утром, специально для укротительницы собак.

Обожаю бывать в среде творческой интеллигенции.

Эдуард ГРАФОВ.